

Вырезка из газеты
КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

г. Москва

26 ДЕК 1985

В Ясной Поляне Иванов рисовал могилу Толстого. Маленький холмик...

Когда художник был в Египте, его повезли смотреть пирамиды. Раньше ему казалось: подумаешь, навалили груды камней — и все дела. Оказалось, не все. Одухотворенной силой и дивной красотой повеяло от древнего сооружения... Толстой незримой пирамидой возвышался над своей скромной могилой. И, рисуя ее, художник помнил замеченное им: всяк у холмика, под которым лежит великий писатель, становился скромнее, не съезжился, а как бы разрушал то претенциозное здание, которое возводил вокруг своей жизни. Природа стояла у могилы и тишина.

Каким быть художнику? Каков он есть?

— «Припомаживаем», — говорит Иванов. И звучит в этом слове сокрушительное презрение к портретам салонным, к изображениям подобным искусству. Кто не знает, что есть художник времени и художник на время. И не всегда первый процветает. К сожалению, процветает и второй, временщик, угодник дурного вкуса. «Припомаживаем», — повторяет Иванов. И звучит в его словах грусть.

Иные критики в 60-е годы обвиняли его картину «Семья. 1945 год» в искажении действительности. Что и говорить, показан небогатый быт, скудный обед. Да и лица отнюдь не бравурны. Но ведь какие трудные и насыщенные были послевоенные годы. В картине суровая величественность времени. Мать, отец-фронтовик, дети за столом. Это проводы войны. Еще машет она, отдаляясь, пахнущая гарью и кровью, своим черным крылом. Мужественно истрадавшее лицо женщины. На лицо отца война наложила свою руку — ее глубокие морщины отпечатались на лице солдата. Обедает много пережившие люди. Но это обедуют победители.

Но прежде чем написать такую картину, Иванов пережил трагедию. Был близок к отчаянию.

Вот он окончил институт, начал работать, и сомнения одолели его. Видел перед собой безрадостную перспективу: быть ремесленником, художником-оформителем, то есть оформлять заданные, уже сформулированные кем-то идеи. Картина как бы начерно уже была готова, ее следовало лишь завершить. «Большого не требовалось». Иванов уже видел себя несостоявшимся художником и лихорадочно искал выхода: «Не побоясь сказать — спасения». Путь к спасению своему он определил так: «Художник — тот, кто идеи своего творчества находит сам в соприкосновении с жизнью». И тогда он «вернулся к самому себе». Взял и уехал на станцию Шелухово в рязанскую деревню С Рязанщины у Иванова мать. И он говорит о материнском начале, о материнской силе, которые привели его на землю его детства: «Внутри я рязанский». Деревня всегда была с ним, и в памяти отводился ей заветный уголок. «Вышел из поезда и огляделся. Может быть, ждал возвращения ощущений мальчишеской поры — той прежней радости воздуха, дышащей лошади, предвкушению поля и сада. Не было этого. Дожидаясь весна затнута небо свинцовым пологом. Чернели тополя. Все дышало напряжением обновления. Природа словно приглашала его принять участие в долгом и трудном процессе освобождения земли. Тогда он вынул альбом и начал рисовать — то, что видел и чувствовал». Ему казалось тогда: что-то он задолжал этому краю, и пришла пора истории возвращать — долг...

С той поры он приезжает сюда ежегодно. Художник живет, пока он ищет — в природе, в людях, во времени. Хорошо, если он знает, что он ищет. И совсем замечательно, если он уверен, что искать надо имен-

но здесь. «Отрезал прошлое и запрятал в себе разрушительный вопрос: зачем. Искал новые традиции и не искал необычности».

Здесь, на Рязанщине, он «родное проявлял», и родились картины «Гость пришел», «На поносе». В шалаше. «Семья. 1945 год», «Молодая мать», «Одни из тех, которые положили начало так называемому «суровому стилю». А почему он был суровый? Потому что на жизнь открытым и честным взглядом смотрел человек, пусть не воевавший, но живший в тылу у фронта, недодавший и знавший нелегкий труд. Сурова ли правда?

А какое неостановимое силовое усилие, какая фантазматория рабочего движения в «Уборке картошки». Картину эту в свое время не хотели даже отпущать за рубеж, на выставку: де, неверно могут истолковать там образ со-

лась картина «На крыльце». Три женщины на крыльце, что три грации. Три иконописных лица. Три силы — клубящаяся в себе, прорывающаяся сквозь потупленный взгляд — сила темная (и платок темный на ней, и кофта), кипучая, обжигающая; сила гордая, прямо глядящая, вспыхивающая, и, наконец, сила вспоминающая, угольями тлеющая, а вспыхнет ли пожаром, бог весть... Мать ли это двух красавиц, сестра ли старшая... Их лица высветлены, а ее фигура в тени, отступившая она в глубь жизни, отдаляющаяся. Реальная лирическая повесть, а ведь и сказочное в ней есть.

«Искусство, не воплощающее женский образ, — говорит

смотрит. Это ее жизнь сберет солдат. Жизнь продолжается, но не сама, Угадчиков — сажовник жизни. Жизнь, может быть, и не бадует скромных, сильных людей, но без них не может.

А Евдокия Васильевна Мигачева — и как премудрая праматерь человечества, и как добрая баба-яга. Вышла из-за деревьев, сильные руки на своей клюке сложила, опираясь, и смотрит на все наши деяния ласково, очень старая, очень странствующая. «Ну как вы тут, — спрашивает, — как живете-можете...» Одно- временно и здравствует, и прощается с нами.

«Сердце без тайности — пустая грамота». Перед нами люди, не тающие ничего от нас и в то же время с тайно-

со всеми вместе становиться сильнее, увереннее и бесстрашнее». Он вспоминает, как всем миром строили в деревне дома.

Так создает художник сказание о человеческой жизни. «Жизнь — это то, что происходит внутри нас», — считал Роллан. Герои картин Виктора Иванова большое значение придают гимну бытия, который звучит у них в душе.

А сам художник? Автопортреты для него — контрольные знаки. Прошло время, и Иванов всматривается в свое лицо — как силы, не дрогнули ли он. Всматривается в художника. И видит в одном случае зоркое достоинство, в другом — бремя мысли, в третьем — удивление, даже растерянность некую перед видением. И вдруг метаморфоза: взгляд пристальный, жгучий, даже несколько недоброжелательный...

Два автопортрета — программные. Здесь Иванов как бы среди реки человечества, в водах которой видит свое отражение. Автопортреты с дочкой и внучкой. Главная тема? Может быть, «художник и человечество», или «художник и время», или «художник и будущее». С ответственностью, душевным волнением и тревогой всматривается художник в мир.

В знаменитое кафе «Греко» в Риме Иванов пришел со своими товарищами. Они сели за столик, за которым сидели Гоголь, Достоевский, Александр Иванов. Недвижимо застыли бокалы с темнорубиновым вином. Великие тени осенили художников, славное прошлое русского искусства коснулось их охранительным крылом на чужой земле. Наступила особая излучающая тишина, в которую вольшевались они с «ощущением внутренней дрожи». Картина «Кафе «Греко»» вначале так и называлась — «Минута молчания». «Ну-тко вы, современные, — слышалось им, — покажитесь, отпущения грехов вам не будет». Каждый думал в ту минуту о назначении своем. Но как разное. Проповедником застыл Гелий Коржев. В лице Петра Оссовского — решимость. Ефрем Зверков уже подвигнут на действие. Священнодействует Дмитрий Жилинский. А сам Виктор Иванов порывисто и чуть углубился в себя...

В цвете, ритмах, словах хочется ему выразить идею времени, в котором живет. Чувствовать музыку времени, как сказал Блок. Но должен художник иметь раскрытое сердце, не заслоненное ничем, и место на земле, где он лучше всего слышит биение сердца своей Родины». У Иванова это место на оских берегах.

Что составляет краеугольные камни его творчества? Иванов называет:

Честность. Раньше кто-то пытался думать за художника. Теперь он обязан думать сам. Наше время позволяет смотреть жизни прямо в глаза.

Реализм. Равенство двух начал — природы и творчества.

Когда-то в юности мечтал он о большой эпохальной картине, чтобы сразу потрясла она зрителей и стала в самом первом ряду работ признанных мастеров. Потом он обошелся с собой круто, но трезво. «Разбил свою мечту, и она разлетелась на куски. Думал так — каждую отдельную часть завершу, а затем, постепенно, они соединятся в единое, цельное, законченное». На выставке, в Центральном Доме художника, мы видим эту осуществленную мечту.

В. ЛИПАТОВ.

С СПОКОЙНОЙ ВАЖНОСТЬЮ ЛИЦ

Заметки с персональной выставки народного художника РСФСР Виктора ИВАНОВА

ветского человека. А вышло наоборот — образ привлёк внимание своей мощью. «Странное дело, — говорит Иванов, — еще есть люди, которые не понимают, что уровень соперничества наших систем в области культуры сейчас совершенно другой. Нашу силу измеряют человеком, его духовностью. Если я нарисую в картине телевизор, этим никого не удивить...»

И вот мы видим работу — пляс, работу — пантомиму, работу — своеобразную демонстрацию достоинства и силы («В Рязанских лугах»). «Здесь, в лугах, родилась у меня художественная идея счастья». Колхозницы на покосе «С спокойной важностью лиц, с красивой силой в движениях...» совершают обряд радостного труда. Гроби у них в руках, как белые выверки, некие ритуальные предметы.

Дивен человек на картинах Виктора Иванова. «Трижды человек дивен бывает: родится, женится, умирает».

Человек родился — и это уже праздник. Зрелище обычное: женщина кормит новорожденного, мужчина обедает за столом («Родился человек»). Но сколько охранительной ласки в ее руке. А с каким искусством дите запеленуто. Иванов ходил в роддом почти ежедневно и наблюдал — это оказалось так сложно, так необычно. Ему хотелось к тому же, чтобы от фигурки запеленутой какой-то связь и к мумии протягивалась, и даже к солдатским портянкам. Человек родился, и празднично рдеет вокруг красный цвет. Край занавески — блик красного в чашке на столе — красный свет облегает фигуру женщины (платье), отражается в одежде, отсветы в мягко-коричневом свечении табуретки...

...И думает Виктор Иванов об одаряющем женском взгляде. Вот ты, прохожий, идешь деревенской улицей, а на крыльце женщина стоит, совсем тебе незнакомая. Но таким взглядом одарит — что станешь ты, как чуждой, взвизгнет душа твоя, и в сердце проснется томление сладкое. И пронесешь ты в себе таинство этого взгляда через десятилетия своей жизни... Может быть, так и роди-

художник, — несостоявшееся. Много на женщине лежит: родить, сохранить семью, трудиться. Большая нравственная ответственность». В его творчестве часто встречается образ матери. Это и совсем молодая женщина, приветливо улыбающаяся своему счастью у зыбки, и, как в картине «На Оке», образ обобщенный, символический. Плавится, пластается в лугах река, а на одном из холмов над ней женщина кормит грудью и насыщает светом своей жизни, светом окружающей природы малыша. Спокойно и торжественно совершается это действие, в котором принимает участие вся земля. Люди вырастают из природы, думает Иванов. Обстоятельства так или иначе способствуют или замедляют рост, но питает их соками природа. Когда художник работает над картиной, одновременно пишет пейзажи. Видение родной природы помогает ему.

«Миры кончаются», — говорит Иванов. И в словах этих, пожалуй, не печаль — уважение, понимание огромности человеческой жизни, феномена ее явления. Словно горел яркий факел да и погас, а на земле на какое-то время стало темнее. «Старики — сосуд, который годами наполнялся великим содержанием». Перед нами портреты старых людей — рязанских односельчан Иванова. «Я вхожу в любой дом — горько у них или радостно. Гордо и прощально вознес свою голову Егор Тихонович Афонин, деревенский Сократ. Всю значительность своей жизни несет Никанор Агафонович Туркин. Излучает приветливую радость и любовь Пелагея Ивановна Лукашина. Воеводствует Дарья Ивановна Пимкина.

— Я ему завидую, — говорит Иванов о Михаиле Александровиче Угадчикове. Добрым теплом веет от этой картины, красотой сбереженной. Сидит под раскидистой яблоней старый солдат, ветеран гражданской. Среди листвы краснобокие яблоки над ним сияют. Он вырастил этот сад. Пчелы в ульях мед копят. Это он за пчелами ухаживает. Рядом с ним внучка сидит, своими глазками на нас

стью своего достоинства, которая заставляет нас вглядываться попристальнее: а что это они так просто, но гордо несут свою старость? И мы накрепко запоминаем энергичное, в страстях лицо Ивана Артемова или сжужжинившееся в поисках ответа, с романтическим надрывом лицо Николая Лемешева. «Пишу торжественные парадные портреты», — говорит художник.

В некотором роде Иванов создает если не идеального, то доброго, честного, общечеловеческого человека. Причем он не приукрашивает, только гранит образ, как алмаз, чтобы человек сиял всем своим светом. Художник глубоко убежден: человек — чудо. И потому, хоть он от всякой сказочности далек, все-таки элемент его в свое творчество привносит.

«Что я хочу сказать в картинах, портретах, — говорит Иванов. — Вот такие люди жили, и я был с ними. Я их часть. Потому я пишу колхозника, будто себя самого. Это все мы. Жизнь этих людей была на земле России. Жили они в труде. Многие пришлось выстрадать, но неистребимыми остались вера, надежда, любовь».

Художественную идею счастья Иванов находит и в единении людей. Его картина «Под мирным небом» — это призыв к общности. Давайте все вместе! Так и слышится мелодия «Дубинушки», «Эй, ухнем»... Хотя и не работа вовсе изображена, а обед тружеников за длинным дощатым столом. Но насколько дружно сидят они, какая сердечная атмосфера витает. Извечно стремление людей соединиться для доброго дела. «Отсутствия чувства общности», — говорит художник, — губительный признак. На миру,